

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1984

Сборник продолжает серию коллективных работ по изучению истории социалистических учений. В нем анализируются актуальные теоретические аспекты изучения социалистической мысли и вклад советских исследователей в разработку этой тематики, столь важной в условиях современной идеологической борьбы. Среди материалов сборника также статьи о мыслителях, которые почти не изучались или изучались мало (Ч. Холл, Р. Саути и др.).

Редакционная коллегия:

Г. А. БАГАТУРИЯ, Л. И. ГОЛЬМАН,
А. А. ИСКЕНДЕРОВ (ответственный редактор),
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ, Г. С. КУЧЕРЕНКО,
В. Л. МАЛЬКОВ, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А. Э. Штекли	«Крестьянская война в Германии» Энгельса и изучение утопического коммунизма	3
И. Н. Шиканян	Корреспондентская работа Энгельса в «Нор-верн стар»	19
К. М. Андерсон	Оуэнисты и радикалы	39
В. В. Согрин	Революция XVIII века и оформление эгалитарной мысли в США	62
Г. С. Кучеренко	Об изданиях трудов Сен-Симона	81
М. Н. Соколова	Рейбо — историк утопического социализма	97
И. Н. Осинковский	Томас Карлейль и утопический социализм (к постановке проблемы)	118
Э. И. Валлич	Проблема нищеты в английской публицистике конца XVIII в.	142
Т. А. Павлова	Джерард Уинстэнли о путях перехода к новому строю	167
Л. С. Чиколина	Кампанелла в публикациях XVII в.	187
О. Ф. Кудрявцев	Идеал ученого сообщества в итальянских академиях XV—XVII веков и утопии	220
Д. В. Панченко	Кампанелла и «Утопия» Томаса Мора	241
С. А. Гаврильченко	Новая литература о Томасе Мюнцере в ГДР (1970—1980 гг.)	252

ПУБЛИКАЦИИ

Теодор Дезами и проспект журнала «Коммюнотер». Пер. с фр. и вступ. ст. С. М. Назаровой.	265
Письмо Томаса Мора Джону Колету. Пер. с латин. и примеч. В. Ф. Балакина; вступ. ст. А. Э. Штекли	277

Джерард Уинстэнли
о путях перехода к новому строю

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Давно осталось позади то время, когда Джерарда Уинстэнли — оригинального мыслителя, вождя английских «копателей» на холме св. Георгия, отважившихся осуществить принцип общности имуществ, создателя замечательной коммунистической утопии — «Закона свободы» — считали забытой фигурой. Середина XX в. ознаменовалась публикацией его произведений, что вызвало отклики, комментарии, толкования¹. Но особенный интерес к Уинстэнли историки начали проявлять с конца 60-х годов; интерес этот не спадает и по сей день. В 1973 г. главные сочинения Уинстэнли были переизданы известным специалистом по истории Английской буржуазной революции XVII в. К. Хиллом². Найден ряд новых документов: памфлет Уинстэнли «Раскрытие духа Англии», датированный началом 1650 г.³, письмо его к леди Дуглас, завещание тестя Уинстэнли, проливающее свет на последние годы его жизни, и др.⁴ Наконец, 70-е годы как никогда богаты исследованиями, посвященными анализу как всего творчества Уинстэнли, так и отдельных его аспектов, а также выяснению деталей его биографии. Здесь прежде всего следует назвать фундаментальный двухтомный труд французского исследователя О. Люто, представляющий собой настоящую энциклопедию диггерского движения⁵. Помимо истории и теории, туда вошли отрывки из произведений Уинстэнли и его соратников, вновь открытые документы, многочисленные реминисценции, богатый сравнительный материал, библиография, иллюстрации... В 1979 г. вышла монография, принадлежащая перу американского историка Т. Хей-

¹ Библиографию см. в кн.: *Барг М. А.* Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в. М., 1967, с. 11—13.

² *Winstanley G.* The Law of Freedom and other Writings / Ed. by Ch. Hill. L., 1973.

³ *Winstanley G.* England's Spirit Unfolded / Ed. by G. E. Aylmer.— Past and Present, 1968, vol. 40.

⁴ *Hardacre P. H.* Gerrard Winstanley in 1650.— Huntington Library Quarterly, 1959, vol. 22, N 3/4; *Vann R. T.* The Later Life of Gerard Winstanley.— Journal of the History of Ideas, 1965, vol. 24, N 1; *Keith Th.* Another Digger Broadside.— Past and Present, 1969, vol. 42; *Alsop J.* Gerrard Winstanley's Later Life.— Ibid., 1979, vol. 82.

⁵ *Lutaud O.* Winstanley, son oeuvre et le radicalisme «digger»: T. 1, 2. Lille, 1973. В более сокращенном виде эта работа была издана в 1977 г.

са⁶. В исторических журналах постоянно появляются статьи, так или иначе связанные с фигурой Уинстэнли⁷. Главы, посвященные движению диггеров и идеологии их вождя, включаются в обобщающие труды⁸.

Причины такого усиленного интереса к диггерскому движению и облику его вождя многоплановы. Здесь и повышенное внимание к проблемам социальной революции, характерное в последнее время для мировой историографии в целом. Здесь и поиски новых путей в объяснении феномена Английской революции, связанные с общей неудовлетворенностью исследователей либерально-вигской концепцией. Здесь и чрезвычайный, почти болезненный интерес ко всякого рода утопиям и антиутопиям, столь характерный для современной буржуазной литературы. Здесь, наконец, и придирчивое внимание к коммунистическим опытам прошлого, попытки выяснить истоки, исходные принципы, теорию, практику, цели и конечные результаты этих опытов.

Надо признать, что личность, воззрения и сам жизненный путь Джерарда Уинстэнли предоставляют для таких изысканий богатую почву. Его судьба как деятеля и мыслителя тесно переплетается с историей революции. Он как никто из ее вождей был связан с народными массами, хорошо знал их нужды, потребности, чаяния. Он умел выразить их в своих памфлетах, отличающихся глубиной понимания социальных противоречий и высотой нравственных идеалов. Но и в жизненном его пути, и в творчестве остается немало невыясненного. Они дают исследователю большой простор для толкований. И именно это обстоятельство делает личность и воззрения Уинстэнли столь притягательными для тех, кто стремится затушевать значение Английской революции как поворотного момента в европейской истории, кто пытается развенчать идеи равенства, справедливости, общности имуществ.

В трудах последних полутора десятилетий, посвященных Уинстэнли, эти тенденции особенно заметны. Исследователям удалось разыскать некоторые новые документы, имеющие отношение к биографии Дж. Уинстэнли. Так, П. Хардакр в 1959 г. опубликовал письмо вождя диггеров к леди Дуглас, у которой он находился в услужении во второй половине 1650 г. Р. Вэнн, комментируя публикацию Хардакра, делает предположение, что в 1650 г. и позднее Уинстэнли являлся сборщиком десятины. За это он на-

влек на себя нападки раптера Лоуренса Клякстона, обвинившего его в том, что его диггерский эксперимент на холме св. Георгия был ничем иным, как себялюбивой попыткой достичь славы и привлечь к себе внимание. Все, что говорил и делал этот человек, пишет Клякстон, «было ложью»⁹.

Вэнн на основании новых архивных документов пытается показать, что некий Джерард Уинстэнли, лондонский квакер, торговец хлебом и фуражом, обращавшийся в 1675 г. в суд канцлера с денежной тяжбой, и вождь диггеров — одно и то же лицо. Сам по себе этот факт не может не привести в замешательство. Известно, сколь яростно осуждал Уинстэнли в своих трактатах «зло купли-продажи», сколь решительно выступал он против существующей церкви и ее установлений. И вот после провала колонии на холме св. Георгия он становится сборщиком церковной десятины, а потом торговцем. История диггеров на этом фоне рисуется случайной авантюрой разорившегося дельца, а сам Уинстэнли — человеком, «ниспровергавшим ту систему, в которой лично он потерпел провал»¹⁰.

Та же по существу тенденция, только основанная на другом материале, проявляется в статьях Т. Кита и Дж. Дэвиса. Кит, уточняя дату публикации памфлета Уинстэнли «Неопалимая купина», подчеркивает, что «ниспровергательский» тон этого памфлета ничуть не противоречит линии «политического компромисса, которую Уинстэнли проводил в других своих трактатах»¹¹. Уинстэнли и диггеры, по мнению Кита, не стремились к социальной революции, а старались лишь добиться от своих собратьев внутреннего очищения. Он утверждает даже, что ни Уинстэнли, ни диггеры «никогда не планировали нарушения прав частной собственности», а ограничивались лишь вскапыванием «ничейной» земли¹².

Развивая эту тенденцию, новозеландский историк Дж. Дэвис стремится показать, что Уинстэнли отнюдь не был революционером: он-де всегда с большим почтением относился к властям преобладающим и к существующим законам. Полемицируя с прогрессивными английскими историками М. Джемс и К. Хиллом, он пытается внушить читателю мысль, что Уинстэнли вовсе не был противником огораживаний и всегда был готов на компромисс с сильными мира сего¹³. Более того, согласно Дэвису, Уинстэнли хотел установить в Англии лишь «частичный коммунизм», своего рода «государство в государстве»: бедняки живут по своим законам, обрабатывая ничейные земли, а богатые и «все остальные» продолжают жить по веками установленному образцу. Когда же дело доходит до утопии Уинстэнли, Дж. Дэвис не жалеет красок для изображения эволюции мыслителя от пассивных миллениарий-

⁶ Hayes T. W. Winstanley the Digger: A Literary Analysis of radical Ideas in the English Revolution. Cambridge (Mass.), 1979.

⁷ Keith Th. The Date of Gerrard Winstanley's «Fire in the Bush». — Past and Present, 1969, vol. 42; Juretic G. Digger No Millenarian: The Revolutionizing of Gerrard Winstanley. — Journal of the History of Ideas, 1975, vol. 36; Davis J. C. Gerrard Winstanley and the Restoration of the True Magistracy. — Past and Present, 1976, vol. 70; Hill Ch. The Religion of Gerrard Winstanley. — Past and Present, Suppl. 5, 1978.

⁸ Hill Ch. The World Turned Upside Down: Radical Ideas During the English Revolution. L., 1972; Davis J. C. Utopia and the Ideal Society: A Study of English Utopian Writing, 1516—1700. Cambridge, 1981.

⁹ Vann R. T. Op. cit., p. 134.

¹⁰ Ibid., p. 136.

¹¹ Keith Th. The Date of «Fire in the Bush», p. 161.

¹² Ibid., p. 162.

¹³ Davis J. C. Gerrard Winstanley and the restoration..., p. 79—82.

ских ожиданий к «активному утопическому тоталитаризму», от крайнего индивидуализма к приятию репрессивной функции государства¹⁴.

Стремление ряда буржуазных историков развенчать коммунистический эксперимент и утопическо-коммунистические идеи Уинстэнли с особенной остротой выявляет сенсационная статья Дж. Олсопа, опирающаяся на пайденное недавно завещание лондонского хирурга Уильяма Кинга, отца первой жены Уинстэнли — Сузан. Это завещание, по мнению Олсопа, окончательно доказывает тот факт, что вождь диггеров и лондонский торговец, член квакерской секты, умерший в 1676 г., — одно и то же лицо. Из подробной, богатой деталями статьи Олсопа вырисовывается образ неудачника, непрактичного, неспособного к делу человека, который попытался отомстить обществу за свое разорение, собрав вокруг себя бедняков на холме св. Георгия и начав вскапывать с ними общинную пустошь. Этот опыт тоже провалился, и тогда Уинстэнли «обратился» в квакерство, что, по мнению Олсопа, можно рассматривать, «как отказ от его наиболее радикальных идей и возвращение к позициям, которых он придерживался до начала диггерского движения»¹⁵.

Подобную консервативную тенденцию автор усматривает и в личной предпринимательской карьере Уинстэнли: уже осенью 1650 г. он «отвергает возможность организации коммунистической общины» и становится управляющим у аристократки леди Дуглас, возможно — сборщиком десятины, затем мелким землевладельцем в Кобэме, затем торговцем в Лондоне. «Его карьера совершила полный круг». Заключительные фразы статьи Олсопа многозначительны. Важно, подчеркивает он, что во второй половине жизни Уинстэнли отверг «наиболее радикальные элементы» и в религии, и в экономике. «До некоторой степени это должно расширить и изменить наше понимание его работы и его мира», — заключает Олсоп¹⁶.

Правда, таким взглядам на судьбу, личность и учение Уинстэнли некоторые исследователи на Западе противопоставляют иные концепции. Так, известный специалист по истории Английской революции К. Хилл в своих последних трудах подчеркивает революционность воззрений и действий мыслителя, «глубоко вторгавшихся в существующие отношения собственности»¹⁷. Он указывает на опасность, которую несло движение диггеров властям, ибо это движение «призывало бедняков объединяться для практических действий» и объективно вело к уничтожению системы эксплуатации¹⁸. В предисловии к изданию избранных памфлетов Уинстэнли Хилл оценивает его как революционного мыслителя, чье учение знаменует собой поворотный пункт

в истории политической мысли. «Уинстэнли верил, — пишет Хилл, — в возможность человеческого прогресса и смотрел вперед, в будущее, когда разум и международное братство одержат победу, когда наука станет служить не только улучшению экономических условий, но и человеческой жизни в целом»¹⁹. Цель Уинстэнли, продолжает Хилл, побудить беднейшие классы к политической деятельности. Он выступает и как поразительно глубокий социальный критик, и как первый революционер, выдвинувший смелую политическую программу и попытавшийся «призвать определенный общественный класс претворить ее в жизнь»²⁰.

Что касается отождествления вождя диггеров с лондонским торговцем, значащимся в квакерском списке умерших за 1676 г., то Хилл не считает это убедительным и приводит ряд аргументов в пользу своего мнения²¹.

Тенденция рассматривать Уинстэнли как революционера, бунтаря, выразителя идей левого крыла революции проявляется также в уже упоминавшейся двухтомной диссертации О. Люто. Не со всеми положениями автора можно согласиться. Его попытки провести далеко идущие политические, религиозные и социальные параллели подчас вызывают недоумение²². Его утверждение о присоединении Уинстэнли к квакерам выглядит недостаточно обоснованным. Однако стремление Люто рассматривать Уинстэнли как представителя утопического коммунизма, как революционера, апеллировавшего к пролетарским слоям населения, как бунтаря, ниспровергавшего основы старого общества, представляется плодотворным.

В этом смысле обращает на себя внимание и статья Дж. Джуретика, выпущенная в 1975 г. Автор задался целью объяснить эволюцию Уинстэнли от миллениарийских идей его первых трактатов к рационализму и «социализму» зрелых сочинений. При этом секуляризацию мировоззрения Уинстэнли Джуретик объясняет конкретной деятельностью диггеров на холме св. Георгия, социальной несправедливостью, с которой тот столкнулся на собственном опыте. Немаловажным представляется и тот факт, что Джуретик не принимает версию обращения Уинстэнли в квакерство и версию более поздней деятельности его в качестве лондонского торговца. По его мнению, новый путь Уинстэнли — путь конкретного политического анализа действительности и рациональной социальной практики — остается неизменным на протяжении всей его дальнейшей жизни. «Начав обрабатывать общинные земли, —

¹⁴ *Winstanley G. The Law of Freedom*, p. 10.

¹⁵ *Ibid.*, p. 35.

¹⁶ *Ibid.*, p. 32, 33. Впоследствии, после находки Олсопа, Хилл отказался от этого мнения. — *Hill Ch. The Religion...*, p. 50—51.

¹⁷ В качестве примеров модернизации воззрений Уинстэнли приведем указание на понимание им Ветхого завета «в духе классовой борьбы» и на оценку его памфлета «Знамя, поднятое истинными левеллерами» как «коммунистического манифеста».

¹⁴ *Ibid.*, p. 91, 92.

¹⁵ *Alsop J. Op. cit.*, p. 81.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Hill Ch. The World Turned...*, p. 105.

¹⁸ *Ibid.* См. также: p. 106, 107.

пишет автор, — Уинстэнли создал теорию политического радикализма, не имеющую себе равных в его время или в предшествующие века»²³.

Добавим от себя, что, хотя построение Дж. Олсопа, основанное на находке завещания тестя Уинстэнли, представляется на первый взгляд убедительным, все же оно рождает новые вопросы и недоумения, которые не так-то просто разрешить. Во-первых, возмущенный отзыв рантера Л. Клякстона о том, что Уинстэнли стал сборщиком десятины и тем самым предал свое собственное дело на холме св. Георгия, нельзя признать заслуживающим доверия. Известно, что Уинстэнли решительно отмежевывался от движения рантеров и резко критиковал его²⁴. Поэтому ответные обвинения Клякстона могли быть небеспристрастны.

Известно также, что Уинстэнли резко выступал против уплаты церковной десятины. Он называл требование духовенства платить этот церковный налог «величайшим грехом угнетения»²⁵. Не кто иной, как дьявол жадности, писал он в «Зако́не свободы», «назначает людей для сбора десятины духовенству»²⁶. Непонятно, как после таких заявлений, тон которых не допускает сомнения в их искренности, Уинстэнли мог согласиться стать сборщиком десятины. Кроме того, эта его должность, если он действительно ее занимал, противоречит тезису о его присоединении к движению квакеров. Известно, насколько непримиримо относились квакеры к сбору церковной десятины. Они были главными врагами десятины на протяжении всей второй половины XVII в. и терпели за отказ платить этот «незаконный сбор» жестокие преследования со стороны властей²⁷. Примыкать к квакерам и служить одновременно «сборщиком десятины» — факт совершенно невозможный.

Все эти и другие подобные им «темные» места в биографии вождя диггеров нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении. Но при всем этом наиболее полный ответ на вопрос о характере системы Уинстэнли может дать, на наш взгляд, только тщательный анализ его произведений. Учение мыслителя во всей его полноте, во всем его развитии — вот ключ к пониманию его мировоззрения в эпоху подъема революции. Какова бы ни была его личная судьба на склоне лет, какую бы трагедию отхода от идеалов революции он ни пережил, — учение его, как и первый в новой истории коммунистический опыт на холме св. Георгия, не теряет своей самодовлеющей ценности.

Из всей сложной совокупности воззрений Уинстэнли — религиозных, философских, социальных, политических, экономиче-

ских, педагогических и т. п. — попытаемся выяснить, как мыслил вождь диггеров переход от старого, порочного общественного строя к новому, совершенному. Нам представляется, что рассмотрение этого вопроса поможет правильно оценить характер его мировоззрения — именно потому, что он наиболее тесно связан с современной ему жизнью, в большей даже мере, чем сам проект идеального строя. Кроме того, решение вопроса о предлагаемых Уинстэнли способах и механизмах перехода к новому общественному строю может послужить до некоторой степени ответом тем историкам, которые полагают, что Уинстэнли не стремился к социальной революции, а был лишь сторонником внутреннего индивидуального очищения и просветления.

* * *

Вопрос о степени революционности воззрений Уинстэнли в советской литературе был впервые поставлен В. П. Волгиным, который подчеркнул, что хотя Уинстэнли проповедовал мирные средства борьбы и отвергал экспроприацию частновладельческих земель, он не являлся противником революционных методов вообще: «Совершившуюся революцию, низвергнувшую короля, он считал правомерной и необходимой»²⁸. В идилическое изображение Уинстэнли грядущей мирной «реформации», указывает В. П. Волгин, «вплетаются зачастую недвусмысленные угрозы, облеченные в форму хилиастических чаяний: „вождь диггеров“ призывает трудящихся отказаться от всякой работы по найму на их угнетателей»²⁹.

В работах М. А. Барга была показана революционная сущность деятельности и проектов вождя диггеров. Уинстэнли отрицал, пишет М. А. Барг, лишь «применение силы оружия в прямом смысле слова». Тактику же его «следует признать тактикой революционной борьбы», ибо Уинстэнли в своих памфлетах прямо призывал бедных захватывать общинные земли и открыто не признавать власть лендлордов, что являлось «фактически призывом к восстанию и свержению ига лендлордов»³⁰.

Вопрос о том, как мыслил себе Уинстэнли революционный переворот — переход от старого, основанного на частной собственности, неравенстве, алчности, соперничестве, угнетении мира к «истинной реформации», основанной на любви и справедливости, заслуживает, на наш взгляд, специального рассмотрения.

Деятельность Уинстэнли приходится на важнейший переломный момент в английской истории. Основы веками длившегося общественного и политического строя рушились или коренным образом пересматривались. После кровопролитных войн против

²³ *Juretic J* Op cit, p 280

²⁴ *Winstanley G Works* / Ed by G Sabine L, 1947, p 399—403.

²⁵ *Ibid*, p 238, 311, 504, 510

²⁶ *Ibid* p 532

²⁷ См *Павлова Т А* Джон Белтерс и английская социально экономическая мысль второй половины XVII в М 1979, с 68, 69, *Barry R* Quaker Opposition to tithes 1652 — 1660 — Past and Present, 1980, vol 86

²⁸ *Волгин В П* Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в М, 1975, с. 162, 159.

²⁹ Там же, с 159—160

³⁰ *Барг М А* Указ, соч., с. 213, 214.

Карла I, после чистки парламента и фактической ликвидации палаты лордов монархия пала, впервые в истории король был всенародно судим вождями революции и затем подвергнут публичной казни. Еще раньше этого феодальное рыцарское держание было отменено актом парламента и феодальная собственность на землю получила права буржуазной, в полной мере частной собственности. На повестку дня встал вопрос о коренной реформе законодательства, о создании новой, республиканской конституции страны; и такая демократическая конституция — «Народное соглашение» — была разработана и предложена мелкобуржуазной партией левеллеров. Наконец, в стране впервые осуществлялась свобода вероисповедания, что привело к необычной активности масс в сфере духовной. Все эти важнейшие события заставляли многих современников, не только Уинстэнли, смотреть на полное преобразование общества как на вполне осуществимую цель ближайшего будущего.

И именно сам половинчатый, компромиссный характер Английской революции стимулировал поиски решения социальных, экономических, политических задач. Покончив с монархией, пришедший к власти буржуазно-дворянский блок отказался тем не менее установить в стране демократическую конституцию. «Народное соглашение» было положено под сукно, вместо новых всеобщих выборов власть оставалась в руках индпендентского «охвостья» Долгого парламента и офицерской верхушки. Феодальная поземельная зависимость была отменена в одностороннем порядке — только для господ. Лорды освободились от феодальных обязанностей по отношению к монархии, но крестьянским зависимостью от лорда осталась в силе, копигольд как феодальное держание земли «по воле лорда» продолжал существовать. И более того: получив свободу распоряжения земельной собственностью, не скованные феодальными ограничениями лорды с удвоенной силой повели наступление на права крестьян, поставив их тем самым в невыносимо тяжелое положение. Реформы законодательства, о которой постоянно говорилось в парламентах, проведено так и не было. И даже пресловутая религиозная терпимость республиканских властей была далеко не полной: как католики, так и крайние секты преследовались; древние народные обычаи, сохранившиеся еще с языческих времен, подвергались гонениям; молитвенные собрания плебса объявлялись «мятежными сборищами» и разгонялись. Неудивительно, что многие мыслящие люди — представители различных социальных групп — предлагали различные проекты преобразования общества.

Неудивительно также, что в такой обстановке в Англии поднялось движение, отвергавшее само существование частной собственности и эксплуатации человека человеком. Вождем и идеологом этого движения был Джерард Уинстэнли.

Уинстэнли на собственном горьком опыте испытал беды, которые несла Английская буржуазная революция народу. Препевающий коммерсант, полноправный член гильдии торговцев

готовым платьем в Лондоне, он с началом гражданской войны разоряется и попадает в деревню в графство Серри, где пасет скот своих соседей. В течение пяти или шести лет он не только наблюдает, но и непосредственно сталкивается с униженным и бесправным положением крестьян, с нищетой деревни. Деревню разоряли и истощали постоянные постой солдат, налоги и поборы в пользу армий. Кроме того, местные лендлорды активизировали огораживание общинных земель и тем самым лишали наиболее обездоленных крестьян права выпаса скота на пустошах и в рощах, права охоты, косьбы, сбора топлива, грибов, ягод, т. е. лишали их пропитания. В таких условиях вопрос о праве на землю становился особенно острым.

Именно поэтому основой всех социально-экономических построений Уинстэнли становится собственность на землю. «Истинная республиканская свобода» для него «заключается в свободном пользовании землей»³¹. Не все ли стремятся к тому, рассуждает он, чтобы владеть землей? «Джентри стремятся к обладанию землей; духовенство стремится к обладанию землей; и простые люди стремятся к обладанию землей, — и покупка и продажа земли является искусством, при помощи которого люди обманывают друг друга»³². При характерном для XVII в. уровне развития производительных сил земля действительно осознавалась как главное достояние страны, от которого «человек получает пищу и средства для поддержания жизни»³³.

Уинстэнли, в согласии с древней, из глубины веков идущей народной традицией, полагал, что при сотворении мира «земля со всеми ее плодами, злаками и скотом» была создана «как общая сокровищница жизненных припасов для всего человечества, для друзей и врагов без исключения»³⁴. Все люди имеют на нее равное право «по справедливому закону творения». И только насильственным захватом, «путем убийства и воровства» земля была разделена на участки и присвоена в собственность королем и лордами, потомками нормандских завоевателей. Поэтому основная задача революции для Уинстэнли и его единомышленников заключается в том, чтобы «возвратить землю, которая была отнята некогда силой и не отдавалась простому люду и таким образом освободить угнетенных»³⁵. Без этого, писал он, обращаясь к Кромвелю в «Законе свободы», «ни венец чести не сможет принадлежать вам, ни победы ваши не смогут быть названы победами, пока завоеванные земли и свобода не перейдут в руки тех, кто ради них подвергал опасности свою жизнь и свое благосостояние»³⁶.

³¹ *Winstanley G. Works*, p. 519.

³² *Ibid.*, p. 373—374.

³³ *Ibid.*, p. 519.

³⁴ *Ibid.*, p. 270.

³⁵ *Ibid.*, p. 373—374.

³⁶ *Ibid.*, p. 501.

В этом акте для Уинстэнли — суть искомых общественных преобразований. Земля со всеми ее угодьями и плодами должна быть передана народу. Но значит ли это, что собственность лендлордов должна быть экспроприрована? Отнюдь нет. Уинстэнли нашел для мирного решения вопроса обширный «ничейный» резерв: это общинная земля, пустоши, испокон веков принадлежавшие крестьянам для совместного пользования, а также созданный революцией фонд из конфискованных земель короны и делинквентов. «Одного я желаю, чтобы республиканская земля, т. е. древняя общинная земля и пустоши, а также земля, недавно вырванная армиями победы из рук угнетателей, — парки, леса, места охоты и тому подобное, — стали доступными для всех, кто пожелает вложить в них долю участия своим личным трудом либо деньгами, и для всех, кто пожелает испробовать на собственном опыте это правление и подчиниться его законам»³⁷.

Такое решение вопроса о земельной собственности не только давало возможность обеспечить землей всех нуждающихся в ней с целью построения справедливого общества, но и содержало в себе прямой отпор наступлению лендлордов на общинные земли. Сама действительность диктовала безотлагательную программу действий: пока еще землевладельцы не присвоили себе, пользуясь законодательством революции, право на все общинные и пустующие земли, пока конфискованные поместья не разграблены, не розданы и не куплены богачами, их следует отдать народу и тем самым решить сразу две проблемы: и бедных обеспечить землей, и воспрепятствовать укреплению несправедливого строя. Кроме того, такой путь наилучшим образом отвечал постоянно провозглашаемому Уинстэнли принципу ненасилия.

Глубинная связь учения вождя диггеров с Английской революцией обнаруживается не только в вопросе о передаче земли народу. Сама уверенность мыслителя в реальной возможности построения нового общества основывается на тех социальных катаклизмах, которые произошли в Англии в 40-х годах XVII в. Не случайно памфлет «Новый закон справедливости» — первый памфлет, содержащий коммунистическую программу, подписан 26-м января 1649 г. — днем вынесения приговора Карлу I.

Взгляды Уинстэнли не только тесно связаны с происходившими на его глазах революционными событиями; он сам хорошо осознавал эту связь. В его понимании, как отмечает М. А. Барг, восстание против монархии «одновременно означало и восстание против феодальной собственности на землю, олицетворявшейся в 40-х годах в Англии прежде всего системой лендлордизма». Установление этой взаимосвязи между политическим и социальным переворотом является, по мнению М. А. Барга, «поистине самой важной исторической заслугой Уинстэнли как политического мыслителя революции»³⁸.

³⁷ Ibid., p. 513.

³⁸ Барг М. А. Указ. соч., с. 195.

Здесь опорным моментом для Уинстэнли служила теория нормандского завоевания. Король, его приближенные и все лорды-землевладельцы являются, по его учению, потомками и наследниками «полковников и главных офицеров Вильгельма Завоевателя», свои «привилегии на общинные земли» они получили «по соизволению, милости и патенту от короля»³⁹. Поэтому восстание против монархии и против лордов оправданно. Победа же «простых людей и некоторых джентри» над королем означает и победу над лордами-землевладельцами: в ее результате они «утратили свои королевские привилегии на общинные земли»⁴⁰. Плоды победы над королем принадлежат всем, и простые люди имеют право требовать «свободы общинной земли»⁴¹. Именно в этом и заключается смысл отмены монархии для народа Англии: в передаче ему права на владение землей. Без этого решающего социального преобразования монархию уничтожить нельзя, «ибо королевская власть подобна большому развесистому дереву: если вы срубите верхушку и оставите корни и боковые сучья, оно снова вырастет и получит свежие силы»⁴².

Законченные формы эта мысль приобретает в «Законе свободы», наиболее зрелом сочинении Уинстэнли. Изъять власть у короля и передать ее в руки его приближенных, живущих по старым законам, — это значит заложить основы величайшего рабства для потомков⁴³. И джентри, воевавшие или боровшиеся в парламенте против короля, и простой народ, плативший налоги и предоставлявший свои дома для постоя солдат, имеют отныне равное право на землю, «которая теперь выкуплена по закону справедливости»⁴⁴.

В отличие от крайних сект революции, более или менее индифферентно относившихся к способу правления и наставивших главным образом на социальных и религиозно-этических преобразованиях, Уинстэнли являлся непримиримым и последовательным врагом монархии⁴⁵. Но он полемизировал и с левеллерами, которые боролись лишь за осуществление политически-правовой, буржуазной по своей сути, программы. Уинстэнли рассматривал борьбу с королевской властью как важнейший социальный переворот. «В том народе, — писал он, — где это республиканское правление будет установлено, появится изобилие, которое принесит мир и довольство, и все народы земли сойдутся, устремляясь туда, чтобы посмотреть на его красоту и узнать пути, ведущие к ней... Не будет ни королей-тиранов, ни лордов маноров, ни обла-

³⁹ *Winstanley G. Works*, p. 287.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid., p. 347—348.

⁴² Ibid., p. 353.

⁴³ Ibid., p. 501, 502.

⁴⁴ Ibid., p. 508.

⁴⁵ Ibid., p. 529—532.

гающих десятиной священнослужителей, ни угнетателей-юристов, ни вымогателей-лендлордов...»⁴⁶.

Итак, для того, чтобы покончить с монархией по существу, Уинстэнли считал необходимым провести важнейшие социальные преобразования. К чему они сводятся?

Прежде всего к передаче общинных, пустующих и конфискованных земель народу. В этом — суть перехода к «закону справедливости». «Пока мы, простые бедные люди, не получим какой-то части земли, чтобы жить на ней свободно, так же, как живет джентри, не может быть республики и королевская власть не сможет быть искоренена до тех пор, пока она правит нами руками лордов маноров»⁴⁷. Власть лордов маноров в силу этого акта передачи земли народу уничтожается.

Но этого мало. «Истинная реформация» должна включать в себя и существенные социальные и политические реформы, призванные положить конец строю несправедливости.

В памфлете «Новогодний подарок парламенту и армии», написанном уже после разгона первой колонии диггеров, Уинстэнли говорит о трех «новых побегах королевской власти», которые сводят на нет результаты революции. Первый из них — это «власть священнослужителей, взимающих десятину и даже сверх десятой доли плодов нашего труда»; второй — «власть лордов маноров, не допускающих бедных к свободному пользованию общинными землями и пустошами»; и третий — «невыносимый гнет как дурных законов, так и дурных судей, извращающих добрые законы»⁴⁸.

Реформы должны, таким образом, сводиться к отмене государственной церкви и всех связанных с нею поборов, к установлению религиозной свободы не на словах, а на деле, к уничтожению власти лордов маноров («...теперь же, раз вы изгнали короля, являвшегося главою правительства, то, разумеется, то же надо сделать и с властью лордов маноров»⁴⁹). к реформе законодательства.

Последнему Уинстэнли, сам потерпевший от английских судов и юристов, уделяет особое внимание. Законы, пишет он, «не основанные на равенстве и разуме и не предоставляющие свободы для всех, но почитающие отдельные личности», должны быть «отсечены вместе с головою короля»⁵⁰. Для обличения несправедливого английского законодательства и его охранителей-юристов он находит полные гневной обличительной силы слова: «Англия — это тюрьма. Многообразное крючкотворство законов поддерживается мечом, замками, засовами и воротами тюрьмы. Юристы — тюремщики, а бедный люд — заключенные; ибо если человек попадает в лапы кого-нибудь из них, начиная от бейлифа до судьи,

то он или погибнет, или останется сокрушенным на всю жизнь»⁵¹. Законы надо коренным образом реформировать, а сословие продажных юристов — ликвидировать совсем.

Такой же полной ликвидации подлежит и купля-продажа, основой которой является обман. «Человечество, начав покупать и продавать, утратило невинность, ибо тогда люди начали угнетать и морочить друг друга своим якобы прирожденным правом... Народы мира никогда не научатся перековывать свои мечи на орала и свои копыя на садовые ножи и не перестанут воевать, пока не будет выброшена вместе с остальной ветошью королевской власти и надувательская выдумка купли и продажи»⁵².

Таковы коренные преобразования, которые должны произойти в Англии для перехода ее к новому «закону справедливости». Частности самого «закона», т. е. картина того строя, который придет на смену старому, отвергаемому Уинстэнли миропорядку, мы не будем здесь рассматривать.

Поскольку в центре нашего внимания — проблема перехода, попытаемся выяснить, кто представлялся Уинстэнли главным исполнителем требуемых перемен? И здесь необходимо отметить, что мыслитель претерпел на своем пути определенную эволюцию.

Первые его сочинения, написанные до 1649 г., обращены к «внутреннему человеку», живущему в каждом, к его душе, к его совести. Уже в это время он отождествляет понятия Бога и высшего Разума, подлинного руководителя и наставника человека. Тот, кто ищет бога вне себя, ищет он, и молится ему как внешней силе, молится тому, чего сам не знает. Тот же, кто подчиняется духу справедливости внутри себя, соединяется со всем творением. Дух Бога-отца — это чистый Разум; Христос — не исторический человек, живший в определенное время в определенном месте, а «мудрость Отца», пребывающая в каждом человеке и призванная покончить с разделением духа и плоти⁵³. Путь к улучшению человеческого общества в этот период представлялся Уинстэнли как путь личного самосовершенствования каждого, путь открытия в себе «света истинного разума и любви». Носителем реформы должен стать «внутренний человек».

Грозные революционные события внесли коррективы в эти удаленные от реальной жизни взгляды. Король был казнен, палата лордов отменена, Англия объявлена республикой. В этой обстановке мыслитель начинает свой великий практический опыт. Носителями перемен, субъектами перехода к новому справедливому строю теперь для него становятся те бедные и обездоленные, которые по праву должны получить плоды победы революции. Кроткий духом бедняк Иаков, поднявший ныне голову против своего старшего брата «лорда Исава», «есть семя, лежащее скрытым среди бедного люда или меньших братьев, от которых долж-

⁴⁶ Ibid., p. 534—535.

⁴⁷ Ibid., p. 348.

⁴⁸ Ibid., p. 357.

⁴⁹ Ibid., p. 359.

⁵⁰ Ibid., p. 288.

⁵¹ Ibid., p. 361.

⁵² Ibid., p. 511.

⁵³ Ibid., p. 96.

но произойти благословение, распространяющее освобождение на все народы»⁵⁴.

Но очень скоро, с самого почти начала, эти надежды разбиваются о классовую враждебность буржуазно-дворянского республиканского правительства и, еще больше, соседей-лордов и зажиточных землевладельцев, которые не могли стерпеть существования рядом с собой коммунистической колонии. На холме св. Георгия появляются войска, местные жители начинают портить посевы, разрушать хижины, ломать инвентарь. Кое-кого из диггеров тащат в тюрьму. Тогда Уинстэнли, не теряя веры в «бедный люд Англии», пробует искать защиты у власти ищущих. Он обращается к командующему армией Фэрфаксу и его военному совету, в Государственный совет, в парламент.

Сначала обращения эти носят боевой, требовательный характер. Мы, народ, который помог вам победить короля и лордов, пишет он, «требуем нашей доли, т. е. свободы вместе с вами на этой земле, на которой мы родились. Но, если вы обманете нас и наше дело, знайте, мы будем сражаться не мечом и копьем, а заступом и плугом и подобным оружием, чтобы сделать пустоши и обширные земли плодородными»⁵⁵. По мере того, как гонения росли, а силы диггеров иссякают, обращения к властям начинают носить более примирительный характер. Народ ликует, пишет он на пороге 1650 г., приветствуя акт об отмене королевской власти и превращении Англии в республику, так как эти реформы «являются предвестниками его свободы и он ожидает их завершения для полноты своей радости»⁵⁶. Он еще уверен, что парламент сможет провести справедливые преобразования, и призывает его: «Вы, правители Англии, возвратите земли, которые королевская власть отняла у нас; освободите угнетенных!»⁵⁷.

Но и эти надежды рушатся. «Охвостье» Долгого парламента, которое состоит из победивших в революции обуржуазившихся землевладельцев, не собирается проводить реформы в интересах трудящихся. А сами трудящиеся истощены войнами и постоями, забиты нуждой, темны и невежественны. Для того, чтобы самостоятельно, с оружием в руках бороться за осуществление своих идеалов, они еще очень незрелы. Да и Уинстэнли во главу угла ставит принцип ненасилия, непричинения вреда кому бы то ни было. Поэтому, когда колонию диггеров разгоняют окончательно, а парламент оставляет его призывы без ответа, Уинстэнли обращается к единственному человеку, который теперь, по его мнению, может повернуть колесо истории: к Кромвелю. «Закон свободы» предваряется посвящением генералу армии, идущему к власти. «На вас устремлены,— пишет Уинстэнли,— глаза жителей всей страны, нет, я думаю, что могу сказать, глаза всех соседних

народов в ожидании того, что вы сделаете. И глаза ваших угнетенных друзей, все еще томящихся и по сей час под королевской властью, ждут, что им будет дарована та свобода в стране, которая была обещана вами в случае вашей победы». От вас ожидают, «чтобы свободное владение землею и пользование свободами было закреплено за угнетенным простым людом Англии»⁵⁸.

Правда, и в «Законе свободы» проходит мысль о возможности народной инициативы снизу. Но эта мысль имеет совершенно иной оттенок. Уинстэнли здесь смотрит на народные движения с государственной точки зрения, как на нежелательный момент, способный нарушить единство в стране. Если принципы монархии в управлении сохраняются, предостерегает он, «среди угнетаемого народа при всяком удобном случае могут и будут возникать ропот, недовольство, волнения и распри. Но если будет утверждена общая свобода и угнетаемые получают довольство, это предотвратит ропот и укрепит всеобщий мир на земле»⁵⁹.

Таким образом, Уинстэнли отдавал себе отчет в том, что обездоленный люд — батраки, работники, полунищие крестьяне, об интересах которых он пекся, — в условиях революции середины XVII в. неспособен захватить власть или осуществить свои права на землю самостоятельно, без поддержки власти имущих. Поэтому он возлагал задачи коренного реформирования общества, особенно после краха колонии, на личную диктатуру Оливера Кромвеля, на сильную государственную власть.

Однако движущим механизмом всяческих перемен — и это следует еще раз подчеркнуть — для Уинстэнли в любом случае оставались христианская любовь и ненасилие. Любите простых солдат и простых бедных людей, призывает он руководителей армии и парламента. Ликвидация монархии и ее последствий, «вырывание с корнем» власти лендлордов, уничтожение купли-продажи, дурных законов и даже самих сословий священнослужителей, торговцев и юристов должно, по его мнению, носить исключительно мирный характер. «Да не поймите меня неправильно, я не говорю: уничтожьте самих людей; нет, я не желаю причинить им вреда (букв: не хочу даже пальцу их причинить вреда)»⁶⁰.

Уинстэнли не собирается нанести какой-либо ущерб и собственности богачей. Неимущие получают в пользование только общинные, пустующие и конфискованные у роялистов земли. Они «делаются доступными» для всех, кто пожелает «вложить в них долю участия своим личным трудом либо деньгами». Тем же, кто не согласен подчиниться законам нового правления, «пусть будет позволено оставаться при их купле и продаже, т. е. при законе завоевателя, пока им будет угодно»⁶¹. А кто примет новый строй — будь то владельцы десятины или лорды маноров — по-

⁵⁴ Ibid., p. 254.

⁵⁵ Ibid., p. 286, 347—348.

⁵⁶ Ibid., p. 353.

⁵⁷ Ibid., p. 359, 374.

⁵⁸ Ibid., p. 502, 501.

⁵⁹ Ibid., p. 527—528.

⁶⁰ Ibid., p. 372.

⁶¹ Ibid., p. 513.

лучат все, что им необходимо, с общественных складов и ни в чем не будут нуждаться⁶².

Однако два существенных момента должны сопровождать эти перемены.

Во-первых, переход к новому строю предполагает нравственное преобразование человека. Внутренний свет, или, другими словами, «всеобщий закон справедливости», должен засиять в каждом мужчине и каждой женщине, и тогда «никто не потребует себе ни одной вещи, говоря — это мое, а это — твое, это моя работа, это — твоя, но каждый будет вкладывать в землю труд рук своих и выращивать скот, и благословение земли будет общим для всех...». «Все будут жить, как братья, поступая с другими так, как они хотели бы, чтобы поступали с ними ... и не будет нужды в законниках, тюрьмах или орудиях наказания, ибо все будет идти путями справедливости...»⁶³

И правителями должны стать «пригодные должностные лица, дух которых настолько смиренен, мудр и свободен от алчности, что они могут исполнять установленные законы страны как свою волю, а не ставить свою волю из гордости и тщеславия выше правил свободы, требуя для себя прерогатив»⁶⁴. Только такие совершенные правители смогут надлежащим образом провести требуемые реформы.

В то же время Уинстэнли сознавал, что ни совершенные граждане, ни совершенные правители не появятся сами собою. Характерная для протестантизма в широком смысле слова идея первоначального греха, исконной порочности человеческой природы, зараженной «змием алчности и себялюбия», владела его сознанием. Просветительская гуманистическая идея безгрешной человеческой души, «чистой доски», появилась несколько позже — в трудах Джона Локка. Именно эта идея прозвучит в свое время у последника английских просветителей Р. Оуэна. Для Уинстэнли же «в духе рода человеческого заложено разнообразие, ибо одни мудры, другие глупы, одни ленивы, другие трудолюбивы, одни решительны, другие вялы, одни доброжелательны и щедры, другие завистливы и жадны, одни склонны поступать с другими так, как они хотели бы, чтобы поступали с ними самими, другие ищут спасения только для себя и избытка в жизненных благах, хотя ближние их погибают от нищеты...»⁶⁵. Для обуздания дурных склонностей и нравов, для поощрения доброго в человеке и сохранения мира и свободы и должен быть создан закон — не вообще закон, но «закон свободы», единственно справедливый и истинный закон на земле.

Идея закона занимает существенное место в учении Уинстэнли. Собственно, и его утопический проект — не что иное, как предложение нового закона — не политической конституции

только, но закона всеобщего — и политического, и экономического, и социального, и житейского. Закон этот стремится предусмотреть все стороны жизни человека. Ибо безграничная, необузданная свобода, как показали отдельные эпизоды самой Английской революции, в частности движение рантеров, не может привести к созданию совершенного общественного строя.

И здесь Уинстэнли стоит отнюдь не на охранительных позициях, а на почве реальности. Некоторые люди, говорит он, полагают, «что должна быть общность всех плодов земли, независимо от того, будут ли они работать или нет, и потому они рассчитывают жить в праздности за счет труда других людей». Иные надеются на общность жен «и посему намереваются вести скотский образ жизни». Третьи думают, что все законы будут отменены, и «все придет в полное смятение из-за отсутствия правительства»⁶⁶. Для предотвращения подобных «нарушений от невежества и внезапных фантазий» должен быть введен справедливый закон, чтобы все могли в равной мере трудиться и вкушать плоды своих трудов. Экономическую основу этого закона составляет общественная собственность на землю⁶⁷. Именно в этом заключается суть и специфическая особенность понятия «закон свободы», избранного Уинстэнли для определения характера нового строя. «Подлинная республиканская свобода», по его учению, сводится к «свободному пользованию землей», и закон призван охранять эту свободу, обеспечивать средства существования на земле для всех, без порабощения одного человека другим⁶⁸.

Вопрос о том, как мыслил себе Уинстэнли конкретную программу и разработку этого закона в деталях, не входит в задачи данной статьи. Отметим только, что установление нового порядка представлялось ему как более или менее длительный, постепенный процесс, состоящий из двух этапов.

Сама практика деятельности Уинстэнли и диггеров, как и труды его, свидетельствуют о том, что он не считал необходимым тотчас же провести коренную ломку общественного строя, включающую экспроприацию землевладельцев. Нет, он требовал поначалу всего лишь передачи беднякам в пользование пустующих, общинных и конфискованных у роялистов земель, чтобы они трудились на них на основе нового, «истинно республиканского» закона, т. е. на основе общественной собственности на землю. При этом такой взгляд отнюдь не характерен только для ранних его произведений. Он встречается и в «Законе свободы»⁶⁹.

При всей своей революционности программа Уинстэнли оставалась утопической: он полагал, что пример общин, построенных на «справедливом законе», будет столь вдохновляющим, что рано или поздно ему последуют все. Последуют, добавим, вынужденно, ибо бедняки, получив землю, перестанут работать на богачей и

⁶² Ibid., p. 510.

⁶³ Ibid., p. 184, 183.

⁶⁴ Ibid., p. 528—529.

⁶⁵ Ibid., p. 535—536.

⁶⁶ Ibid., p. 526.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid., p. 534.

⁶⁹ Ibid., p. 513.

платить им ренту; сословие юристов, защищающее интересы власть имущих, будет ликвидировано; купля-продажа как источник обогащения перестанет существовать.

Исследование вопроса о том, как Уинстэнли представлял себе переход к новому совершенному обществу, приводит к выводу о тесной связи его учения с конкретными задачами Английской буржуазной революции, с одной стороны, с многовековой традицией мечты угнетенных об общности имуществ, с другой, и с чаяниями зарождающегося предпролетариата, с третьей. Его аграрная программа, заключающая в себе требование решительной отмены власти лендлордов, носит отчетливо антифеодалный характер. Требование совместного владения общинными землями несет отчетливые черты средневековых идеалов общности. О том же говорят и эгалитарные устремления диггеров. Уинстэнли выступает в своей революционной теории и как идеолог предпролетарских слоев, стремящихся к ниспровержению основ всякого вообще эксплуататорского общества, ибо и зарождающийся буржуазный строй уже продемонстрировал им свою угнетательскую сущность.

Что же касается постоянно подчеркиваемого Уинстэнли мирного пути перехода к «справедливому» строю, то здесь дело не только в том, что Уинстэнли сочинял свои проекты после завершения гражданских войн и казни короля, но и в специфике идеологической формы народного движения. Стремясь возвратиться к теории и практике ранних христиан, диггеры, как и квакеры и представители других плебейских сект в революции, воспринимали из их учения и миролюбивый, по принципу своему ненасильственный, образ действий. Наряду с другими факторами, этот принцип привел их движение к краху. Но революционные идеи установления строя общности и социальной справедливости, основанного на уничтожении частной собственности, которые проповедовал Уинстэнли, передались последующим поколениям и составили живую и далеко идущую традицию.

* * *

Примкнул ли Джерард Уинстэнли, вождь диггеров, на склоне своих лет к движению квакеров, или нет⁷⁰, — значительное сходство его идей с воззрениями «друзей внутреннего света» не подлежит сомнению. Для нас особенно важно отметить здесь, что их объединяло парадоксальное сочетание проповеди мирных средств борьбы с решительно оппозиционной к существующему строю социальной практикой⁷¹.

Крестьянско-плебейская бунтарская традиция продолжала жить в квакерском движении, семена нового сознания предпроле-

тарских масс, посеянные революцией, не пропали. Суть их заключалась в отрицании существующего строя неравенства и несправедливости, в ожидании грядущего «Нового Иерусалима», царства добра и любви, в попытках претворить в жизнь принципы социальной справедливости. Семена этого нового сознания взопли, в частности, в «производственных содружествах» Джона Беллера, которые, несмотря на свой буржуазный характер, выражающийся в принципе экономической выгоды для богатых «основателей», включали в себя тем не менее важнейшие черты, характерные для крестьянско-плебейских утопий середины XVII в.⁷²

В этой связи обращают на себя внимание и некоторые положения теории величайшего из английских социалистов-утопистов Роберта Оуэна. Известно, что Оуэн считал своим единственным предшественником квакера Дж. Беллера, выдвинувшего проект учреждения «производственных содружеств» в самом конце XVII в. Оуэн, по всей видимости, ничего не знал об Уинстэнли и никогда не читал «Закона свободы». И тем не менее его неколебимая вера в возможность немедленного реального преобразования общества на началах любви и справедливости, его уверенность в бесповоротной гибели старого мира, его стремление к равенству и социальной справедливости, отрицание частной собственности, купли-продажи и денег, сословий торговцев, юристов и духовенства, отрицание религии старого мира, наконец тот факт, что единственно приемлемым путем для него был путь мирных преобразований, основным механизмом которого служит любовь к ближнему, и упование на то, что существующие правительства могут провести эти реформы в жизнь, — все это не может не напомнить о взглядах и чаяниях жившего двумя веками раньше вождя диггеров.

Нам представляется, что здесь можно говорить о не отмеченной еще в должной мере нашей наукой традиции. Эта традиция протягивается от диггеров и Уинстэнли к сектантско-плебейским движениям второй половины XVII в., в первую очередь — к движению квакеров, сохранявшему в себе революционный, сектантско-плебейский импульс в течение второй половины XVII в., к Беллерсу, идеологу этого движения, а от него — к Оуэну.

Эти вопросы, впрочем, нуждаются в дальнейшем исследовании, прежде всего в тщательном изучении судеб английских радикально-эгалитаристских идей в XVIII в.

Мирные устремления Уинстэнли не могут зачеркнуть революционного характера предлагавшихся им изменений. Чем больше мы углубляемся в его творчество, тем более понимаем, что имеем дело не только с великим английским утопическим коммунистом, но и с великим революционером. В его сочинениях речь идет в конечном итоге не о половинчатом преобразовании, а о полнейшем, радикальнейшем пересоздании общества и чело-

⁷⁰ *Armylage W. H. G. Havens Below: Utopian Experiments in England, 1560—1960.* L., 1961, p. 26; *Hill Ch. The World Turned...*, p. 193; *King R. H. George Fox and the Light Within.* Philadelphia, 1940, p. 24.

⁷¹ См.: *Павлова Т. А. Указ. соч.*, с. 61—64, 75—92.

⁷² Там же, с. 195, 196.

века. Основной залог тому — установление общественной собственности на землю и полного равенства, отмена денег и купли-продажи, удовлетворение потребностей человека из общественных фондов, коллективное воспитание.

Следует в связи с этим заметить, что принцип ненасилия, выдвигаемый Уинстэнли, содержит в себе определенное противоречие. Когда мыслитель говорит о ненасилии, он имеет в виду отрицание физического вооруженного воздействия — и только. Сам же характер предлагаемых им преобразований неизбежно приводит к изъятию собственности у богачей, к ликвидации целых сословий, к коренным изменениям всего общественного строя. Сам закон, предлагаемый Уинстэнли, подразумевает определенные ограничения свободы и применение орудий государственной власти к тем, кто не желает трудиться или нарушает его установления. В этом смысле нельзя не признать, что, несмотря на субъективно мирные устремления вождя диггеров, его учение по сути носило бунтарский, революционный характер.